

Набок Сергей Дмитриевич

канд. ист. наук, старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

г. Санкт-Петербург

АНАЛИЗ ПРИЧИН И ИСТОРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА АРХИПЕЛАГА ШПИЦБЕРГЕН НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ МИРА В XX–XXI ВЕКЕ

***Аннотация:** статья посвящена ретроспективному анализу изменений внешнеполитической позиции России и Норвегии по отношению к архипелагу Шпицберген. Проведен анализ смещения фокуса внимания заинтересованных в архипелаге стран с приоритетов военной безопасности к ресурсным аспектам. Исследуются изменения геополитического статуса архипелага в XX–XXI веках. В работе представлены материалы, которые характеризуют ход развития отношений стран вокруг Шпицбергена.*

***Ключевые слова:** Россия, Норвегия, архипелаг Шпицберген, Свабальд, terra nullius, геополитический статус, демилитаризация, ресурсы, рыболовство, нефтегазовая отрасль.*

В XX веке фокус внимания России, Норвегии и прочих заинтересованных стран к архипелагу смещался с приоритетов военной безопасности к ресурсным аспектам. До Первой мировой войны рассматриваемая территория воспринималась заинтересованными государствами как ничейная земля, которую следует занять, а затем организовывать добычу полезных ископаемых.

Боевые действия 1914–1918 гг. заставили европейские державы обратить внимание не только на сконцентрированные на архипелаге большие запасы угля, но и на его уникальное военное-стратегическое расположение. Тот, кто контролировал Шпицберген, тот получал контроль над морскими коммуникациями северо-восточной Атлантики и морей Западной Арктики, а также всем побережьем Северной Европы. Учитывая этот факт, европейские державы, и в первую очередь Норвегия, предприняли максимум усилий для демилитаризации

Шпицбергена, что и было соответствующим образом оформлено в Парижском договоре 1920 г.

Начало Второй мировой войны вывело на первый план колоссальное военно-стратегическое значение Шпицбергена. Новая обстановка поставила под сомнение целесообразность сохранения демилитаризованного статуса архипелага, прописанного в статье 9 Договора 1920 г., в соответствии с которой «Норвегия обязуется не создавать и не допускать создания какой-либо морской базы в местностях, указанных в статье 1, и не строить никаких укреплений в указанных местностях, которые никогда не должны быть использованы в военных целях» [1]. Главным кто оказался заинтересован в военном потенциале Шпицбергена стал СССР. В июле 1941 г. Советский Союз через своего посла в Лондоне И.М. Майского предложил британскому правительству организовать совместную оккупацию архипелага с целью избежать создания на нём военно-морских баз и гидрометеорологических станций фашистской Германии [2, с. 409]. Однако в консультации вмешалось норвежское правительство в изгнании, заявившее о том, что Шпицберген по-прежнему находится под суверенитетом Норвегии и только оно обладает легитимным правом определять дальнейшее развитие региона. Майский в свою очередь заверил, что Советский Союз не предъявляет Норвегии никаких территориальных претензий и уважает её суверенитет над архипелагом [3, с. 23]. Однако гарантии Москвы не нашли отклика у норвежцев, и переговоры были свёрнуты.

К вопросу о размещении военных баз на Шпицбергене вновь вернулись уже в ноябре 1944 г. К апрелю 1945 г. норвежцы были практически готовы к исключению статьи 9 из содержания Договора 1920 г. и принятию новой отредактированной версии, о чём соответствующим образом уведомили советский МИД. Норвежское правительство было готово подписать совместную декларацию о том, что оборона архипелага является предметом общего ведения Норвегии и Советского Союза. Норвежское правительство сочло такой шаг вполне обоснованным, так как контроль над архипелагом обеспечивал дополнительную безопасность морских конвоев союзников, которые шли в Мурманск и Архангельск

[4, с. 12–17]. Однако условием было поставлено согласование поправок в Договоре с США, Великобританией, Данией, Францией, Голландией и Швецией, а также получение согласие Стортинга при том, что помимо изменения статьи 9 Советский Союз не будет предъявлять дополнительные требования к ревизии остальных статей Договора, которые в какой-либо степени подрывали бы суверенитет Норвегии над архипелагом. Эти условия прошли обсуждение между министрами иностранных дел заинтересованных стран, В. М. Молотовым и Х. Ланге, в Париже в августе и в Нью-Йорке в ноябре 1946 г. По результатам этих встреч В. М. Молотов предложил продолжить диалог и принять двустороннюю декларацию, в которой были бы подтверждены достигнутые результаты [5, с. 104–106].

Российско-норвежские переговоры проводились в режиме секретности, однако не предавать их огласке в течение длительного времени было невозможно и в начале 1947 г. в прессе появились первые комментарии по данному поводу. Чтобы избежать неправильного истолкования факта переговоров 15 января 1947 г. была опубликована официальная нота ТАСС, в которой подтверждалось, что «Во время указанных советско-норвежских переговоров была достигнута договоренность относительно необходимости совместной обороны островов Шпицберген. Имелось также в виду осуществить консультацию с соответствующими союзными правительствами относительно пересмотра Договора 1920 года» [6, с. 2].

Оглашение факта проведения секретных переговоров о размещении советских военных баз на Шпицбергене вызвало крайне настороженную реакцию в норвежском обществе, что напрямую повлияло на окончательное решение Стортинга по данному вопросу. 15 февраля 1947 г. депутаты норвежского парламента на закрытой сессии приняли резолюцию, которая предусматривала прекращение переговоров с Советским Союзом о милитаризации Шпицбергена, на том основании, что такое решение будет противоречить принципам внешнеполитического курса Норвегии. Однако взамен Стортинг выступил с инициативой начать переговоры более широкого формата о пересмотре содержания Договора 1920 г., с целью «сделать его обновленную версию более приемлемой» для обеих сторон

[7, с. 8]. Министр иностранных дел Норвегии Харальд Ланге обратился с письмом к своему коллеге В. М. Молотову и предложил провести первую встречу в Осло [8, с. 142]. Таким образом, Норвегия решила расширить поле переговоров, переключив фокус внимания советской стороны с вопросов военной безопасности на более широкий набор экономических тем и предоставить СССР в качестве компенсации исключительные экономические права на архипелаге. Консультации продолжились, однако не привели к конечному результату и к 1953 г. полностью прекратились. Во многом это было связано с размежеванием и взаимным отчуждением между Норвегией и Советским Союзом, которое увеличивалось на фоне разворачивающейся Холодной войны [9, с. 45–50]. Так, с 1947 г. в Норвегии начали устойчиво расти «алармистские» настроения в отношении Советского Союза, которые подкреплялись такими «тревожными звонками» как установление коммунистического режима в Чехословакии, подписанием в 1948 г. между СССР и Финляндией договора о дружбе и взаимопомощи и выдвижением СССР в 1949 г. предложения заключить с Норвегией Договор о ненападении [10, с. 22–38].

В период 1950-х – 1960-х гг. российско-норвежские отношения на Шпицбергене не испытывали существенных потрясений, а в начале 1970-х гг. они вновь вступили в полосу турбулентности. По этому поводу известный норвежский эксперт по вопросам Арктики, профессор Вилли Остренг, отмечал, что с середины 1970 г. Советский Союз неоднократно выражал пренебрежительное отношение к норвежскому суверенитету над Шпицбергенем. Это выражалось в отказе от принятия и соблюдения некоторых законодательных актов, в частности руководства по безопасности разведки и добычи нефти на Шпицбергене, обосновав данный документ тем, что он создает искусственные ограничения для Советского Союза и противоречит принципу недискриминации, заложенному в статье 3 Договора 1920 г [11, с. 39].

1970 г. стал тем рубежом, который вывел на первый план экономический аспект потенциала Шпицбергена. Это было время начала «нефтяной эры» в Норвегии и акценты национальной политики в отношении Шпицбергена стали

меняться от обеспечения военно-политической безопасности в сторону расширения региональной сырьевой базы. Происходило это в рамках попытки Норвегии установить границу своей экономической зоны в Баренцевом море, которая переросла в затяжной территориальный спор с Советским Союзом, который категорически отрицал предложенную Норвегией линию делимитации морского пространства. Как отмечает И. Н. Барциц, среди прочего «Норвегия претендовала и на 10 тыс. кв. км в качестве своей экономической зоны при выпрямлении на север от шпицбергенского квадрата границы полярных владений России. Россия в этом случае потеряла бы участок акватории площадью в 25 тыс. кв. км. Дабы урегулировать возникающие проблемы во взаимоотношениях, 15 октября 1976 г. правительства СССР и Королевства Норвегии подписали Соглашение о взаимных отношениях в области рыболовства, а 11 января 1978 г. – протокол о временных правилах рыболовства в так называемой «серой зоне» Баренцева моря – спорной акватории, где столкнулись интересы двух стран. Несмотря на имеющиеся противоречия, сторонам удастся достаточно эффективно сотрудничать и препятствовать осуществлению третьими странами рыболовства в районе Баренцева моря» [12, с. 249–307].

При этом СССР пренебрегал регламентами по защите животного мира архипелага и правилами регистрации вертолётов, автомобилей, и. т. д. [13, с. 871–891]. Правда, стоит отметить, что в этот период российско-норвежские отношения на Шпицбергене не были лишены конструктивной составляющей: в части касающейся осуществления экономической деятельности на архипелаге стороны не редко находили общий язык. Например, в 1970 г. норвежская администрация отклонила заявку советского треста «Арктикуголь» на добычу угля на конкретном участке, по причине того, что последним не были представлены результаты геологоразведки данного участка, как это требует Приложение к Договору 1920 г. При этом с советской стороны никакого опротестования не последовало. Также не возникало споров относительно взимания штрафов с советских граждан за незаконную охоту [14, с. 112].

Однако наибольшие осложнения были связаны с вопросами военной безопасности. 28 августа 1978 г. самолёт-разведчик Северного флота Ту-16 потерпел катастрофу на острове Хопен, входящим в состав архипелага Шпицберген. В условиях постоянно усугубляющихся взаимоотношений между СССР и НАТО того времени этот инцидент немедленно превратился в источник дополнительной напряженности. Первыми на место крушения прибыли норвежцы, однако поблизости находились корабли Северного флота, которые и поспешили в этот район. Москва оказала максимальное политическое давление на Норвегию с целью заставить последнюю признать право советской стороны на изучение места аварии и извлечение «чёрных ящиков». Однако Осло категорически отказалось выполнять выдвинутые советской стороной требования. Опасаясь вовлечения в процесс эскалации напряженности остальных стран-членов НАТО, СССР был вынужден уступить [15, с. 173]. Тем более что 30 августа норвежская газета *Nordlys* опубликовала аэрофотоснимки, с изображением строящейся на мысе Хеер (неподалеку от Баренцбурга) советской вертолётной базы, где была якобы зафиксирована станция слежения за воздушным пространством и спутниковая наземная станция. Этот факт послужил поводом для инспекции со стороны представителей норвежской администрации, однако обследование объектов не выявило никаких нарушений и в 1980 г. было получено официальное разрешение на начало её эксплуатации. Тем не менее, норвежцы были абсолютно уверены в том, что вплоть до распада Советского Союза данная вертолётная база являлась объектом двойного назначения и использовалась непосредственно в интересах Северного флота (что фактически являлось нарушением статьи 9 Договора 1920 г.) [16, с. 20].

В начале 1980-х гг., когда концентрация военной мощи на Кольском полуострове достигла своего пика, тогдашний начальник Генерального штаба норвежских вооруженных сил генерал Буль Хансен пришёл к выводу, что в Ленинградском военном округе имеется достаточный штатный боевой потенциал для того, чтобы провести оккупацию Норвегии без объявления мобилизации. По мнению норвежских военачальников сигналом к готовящемуся нападению должно стать

резкое увеличение активности советских военных объектов и боевых единиц в радиозфире, после чего в течение 48 часов должно последовать вооруженное нападение [17, с. 57–62].

Тем не менее, несмотря на активную «алармизацию» советской военной угрозы в Арктике, к середине 1980-х гг. многие норвежские эксперты стали склоняться к мнению, что в целом развитие ситуации вокруг Шпицбергена в дальнейшем будет носить позитивный характер. Так, в 1984 г. известный норвежский политолог Ф. Солли писал, что Шпицберген не содержит в себе конфликтный потенциал, так как стало совершенно ясно, что Советский Союз не имеет целью изменять статус архипелага, а его разногласия с Норвегией сводятся лишь к интерпретации и применению отдельных статей Договора [18, с. 708–721].

С 2005 г. Арктика прочно вошла в состав первоочередных приоритетов политики России и Норвегии, о чем свидетельствует устойчивый рост хозяйственно-экономической активности в данном регионе. В этом контексте Шпицберген является составным элементом арктического партнёрства двух стран и одной из перспективных площадок для двустороннего сотрудничества. Как показывает практика последних нескольких лет, базовой предпосылкой для реализации ресурсного потенциала Арктики является разрешение территориальных споров между странами в рамках системы международного морского права. Россия и Норвегия уже добились неплохих результатов в этом направлении, урегулировав спор о границе в Баренцевом море. Что касается Шпицбергена, то основной вопрос на сегодня состоит в том, предоставляет ли Договор 1920 г. достаточную правовую основу для плодотворного сотрудничества России и Норвегии на архипелаге? Очевидно, что с момента его принятия в двусторонней повестке дня накопилось достаточно тем требующих уточнения. Сюда относится и согласование статуса шельфа вокруг Шпицбергена, устранение разногласий по поводу порядка рыбной ловли в 200-мильной рыбоохранной зоне, корректировка Горного Устава. Без решения этих ключевых вопросов, российско-норвежские отношения на архипелаге будут обременены часто повторяющимися кризисами, что будет неблагоприятно сказываться на общем темпе сотрудничества в Арктике.

По замечанию норвежского историка Й. Йоргенсена невозможно себе представить, чтобы в наши дни Россия решилась оккупировать Шпицберген, так как выигрыш в плане военных преимуществ будет ничтожен по сравнению с политическими издержками. Однако в период боевых действий ситуация может сложиться иначе. На сегодня в составе Северного флота имеется только один авианосец – «Адмирал Кузнецов», который практически выработал свой ресурс и используется весьма ограниченно, играя роль «плавучего ангара». При этом потребность в обеспечении максимальной площади покрытия оперативных районов Баренцева/Норвежского морей силами военно-морской авиации возрастает пропорционально увеличению активности Северного флота в Арктике. В этих условиях аэродром Лонгьир мог бы стать удачной альтернативой, откуда российская морская авиация могла бы осуществлять контроль за всей акваторией Арктики. Однако на практике вероятность таких действий стремится к нулю [19, с. 22–23].

В 2007 г. председатель Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных коренных народов Г.Д. Олейник отметил, что Шпицберген, как и в советское время, продолжает оставаться «зоной особых государственных интересов Российской Федерации и сохранение российского присутствия на архипелаге, осуществление там хозяйственной деятельности имеют важное экономическое, геополитическое и стратегическое значение» [20, с. 3]. Однако при этом он фактически признал несостоятельность национальной политики в регионе, осуществляемой в течение последних 10 лет. По словам Г.Д. Олейника «изменение фактического и международно-правового статуса архипелага может повлечь для России весьма далеко идущие последствия. Совершенно по-иному, притом резко не в пользу России будут трактоваться проблемы разграничения российского и норвежского секторов в Баренцевом море; разграничения здесь морского дна и шельфовых пространств; зон рыболовства и порядка доступа к ним. Под вопросом может оказаться режим демилитаризации и нейтрализации архипелага Шпицберген, и особенно фактическое его применение» [20, с. 5]. Последнее негативно скажется на

стратегических интересах России на севере, так как приведет к частичной или полной изоляции страны и её оттеснению от ресурсов западной части Баренцева моря.

Последние геополитические изменения коснулись архипелага Шпицберген в 2010 году, когда 15 сентября президент Д.А. Медведев подписал договор «О разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане» [21]. Этот договор затрагивает интересы рыбной и нефтегазовой отрасли в районе архипелага Шпицберген. Статьей 1 Договора 2010 года определяются координаты линии разграничения морских пространств, а статьей 2 подтверждается суверенитет Норвегии в западной части акватории Баренцева моря, включая район действия Договора о Шпицбергене 1920 года. Таким образом, это делает невозможным осуществление рыболовства в западном районе Баренцева моря без согласия норвежской стороны и подчинения ее законодательству, что противоречит Договору о Шпицбергене 1920 года. Таким образом, ущемляются права рыбаков в данном районе. Однако существует и иная точка зрения. Договор 2010 года дает возможность начинать добычу углеводородных ресурсов Баренцева моря. Так, например, открытый в 80-ые годы «свод Федынского», который расположен в зоне Договора 2010 года, оценивается в 9 млрд. куб. м. углеводородов [22]. Можно сделать вывод, что Договор 2010 года был подписан в интересах нефтегазовой отрасли и не были учтены интересы рыбаков.

Таким образом, в начале XXI века геополитический статус архипелага претерпел изменения. Договор 2010 года оказывает существенное влияние на рыбопромысловую и нефтегазовые отрасли. Особо следует заметить, что в Договоре 2010 года отсутствуют ссылки на договор о Шпицбергене 1920 года, что соответствует интересам Норвегии, но не России, так как по Договору о Шпицбергене 1920 г. Россия имеет право на равных с Норвегией и другими участниками договора заниматься рыбным промыслом, добычей углеводородов и любой другой экономической деятельностью не только в зоне действия Договора о Шпицбергене 1920 года, но на островах, которые находятся под юрисдикцией Норвегии. Все это сказывается на статусе архипелага, который становится стратегически важным объектом в свете возможных предстоящих дискуссий относительно 200-мильной экономической

зоны вокруг архипелага, которая позволит Норвегии и (или) России вести исключительную экономическую деятельность в данном районе.

Список литературы

1. Treaty between Norway, The United States of America, Denmark, France, Italy, Japan, the Netherlands, Great Britain and Ireland and the British overseas Dominions and Sweden concerning Spitsbergen 09.02.1920 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lovdato.no/traktater/texte/tre-19200209-001.html> (дата обращения: 01.03.2016).

2. Barros J. Trygve Lie: De mortuis nil nisi bonum // International Journal. – 1970. – Vol. 25. – №2.

3. Майский И.М. Воспоминания Советского Дипломата 1925–1945. – Т.: Узбекистан, 1980.

4. Федоров А.Ф. Соблюдает ли Норвегия договорные обязательства 1920 г. о Шпицбергене? // Рыбное хозяйство. – 2006. – №5.

5. Данилов Н.А. Холодная Война в Арктике: Итоги Международной Научной Конференции // Российская история. – 2009. – №3.

6. Заявление ТАСС: К вопросу о Шпицбергене (Свальбардском архипелаге) // Правда. – 1947. – 15 янв.

7. Storting Declaration on Svalbard, 15 January 1947 // Chronology of International Events and Documents. – 1947. – 13–26 Jan. – Vol. 3. – №2.

8. Utenriksminister H.M. Langes brev til utenriksminister V.M. Molotov om Stortingets beslutning i Svalbard-saken 15. februar 1947 // Norge og Sovjetunionen 1917–1955: En utenrikspolitisk dokumentasjon / red. Holstmark S. Oslo, 1995.

9. Holstmark, S. Ekspansionisme eller forsvar av status quo? Sovjetisk Svalbard-politikk 1939–1953 // Frykt og forventning: Russland og Norge i det 20. Arhundre. 1996.

10. Пилько, А. В. У истоков Холодной войны: создание НАТО и его последствия // Вестник Московского Университета. Серия 8. – 2008. – №2.

11. Ostreng, W. Politics in High Latitudes. The Svalbard Archipelago. – Hurst, 1977.

12. Барциц, И. Н. Кому принадлежит Северный полюс? // Московский журнал международного права. – 2000. – №2.
13. Ostreng, W. Soviet-Norwegian Relations in the Arctic // International Journal. – 1984. – Vol. 39. – №4.
14. Тимченко Л.Д. Шпицберген: история и современность. – Харьков, 1992.
15. Borresen, J. Coastal Power: An Outline for Norwegian Maritime Strategy. – Oslo, 1993.
16. Fjeld, P. Det aret det var sa kaldt // Aftenbladet. – 2000. – 24 Jan.
17. Kan, A. Naboskap under kald krig og perestrojka forholdet Norge – Sovjet sett fra Moskva // Institutt for Forsvarsstudier. – Oslo, 1988.
18. Sollie, F. Polar Politics: Old Games in New Territories, or New Patterns in Political Development? // International Journal. – 1984. – Vol. 39. – Issue 4.
19. Jorgensen J. Svalbard og Fiskevernsonen: Russiske persepsjoner etter den kalde krigen // Fridtjof Nansen Institute Report. – 2003. – №13.
20. Присутствие Российской Федерации на архипелаге Шпицберген: политико-правовые, экономические и гуманитарные аспекты // Материалы к расширенному заседанию Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов. Совет Федерации. Федеральное Собрание Российской Федерации. – М., 2007. – 19 июня.
21. Договор «О разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.norge.ru/file/public_doc/avtalen_russisk.pdf (дата обращения: 10.02.2016).
22. В чем секрет договора Медведева-Столтенберга о разделении северных «серых» зон? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zanauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3279 (дата обращения: 31.01.2016).